

Но как нам научиться контролировать отрицательные эмоции и разрушительные страсти, затмевающие наш разум? На мой взгляд, прежде всего мы должны осознать, что же именно заставляет нас вести себя подобным образом, какова природа этих эмоций, каковы могут быть их последствия для нас самих, для общества и для окружающей среды в ближайшей и отдаленной перспективе. Необходимо мыслить более критически и объективно, анализировать свое поведение, различать добро и зло, хорошее и плохое, выработать в себе чувство достоинства и осознать потенциальные возможности человеческого существа. Все это поможет нам научиться вести себя более рационально, более разумно, более человечно, тем самым способствуя раскрытию нашего огромного духовного и созидательного потенциала.

Свобода

Другое понятие, которым мы постоянно пользуемся и злоупотребляем, — это свобода. Для большинства из нас она означает возможность иметь и делать то, что мы хотим. Уже по одной этой причине мы невольно стремимся обожествлять это слово, безгранично верим в него, но при этом избегаем четких определений. Это очень удобное понятие, когда нам надо оправдать свои неэтичные поступки и действия. Охотник, например, будет настаивать на своем праве убивать животных ради удовольствия; развращенный человек, прикрываясь лозунгом свободы, отказывается от соблюдения каких бы то ни было норм в сексе, считает нормальным употребление нецензурного языка; средства массовой информации свобода нужна для того, чтобы выплескивать на публику интеллектуальные и культурные помои ради собственной наживы и славы; политики используют свободу для жонглирования демагогическими обещаниями на пути к вершинам власти и так далее.

Для большинства людей значение слова «свобода» слишком туманно и абстрактно, чтобы приносить практическую пользу. По той же причине свобода — эффективное оружие в руках безответственной части интеллигенции и прочих манипуляторов общественным мнением. Чтобы прийти к объективному определению свободы, нам необходимо сначала понять, что мы не должны думать лишь о своих собственных интересах, которые всегда различны у разных индивидуумов и групп. Единственный возможный компромисс — это свобода в интересах всего человечества, которая защищает как отдельных людей, так и общество в целом от нравственного и духовного вырождения от самоуничтожения, и которая способствует нашему превращению в Человека Разумного. По словам Фромма, «Свобода — это качество

полностью очеловеченного человека («Искусство любить», с. 89) ...Лишь полностью сформировавшаяся, зрелая личность может извлечь пользу из свободы» («Разумное общество», с. 71). Главный атрибут истинной свободы — ответственность. Свобода без ответственности — это анархия. Чем больше мы утрачиваем чувство ответственности, тем ближе мы к анархии и хаосу.

Другой аспект свободы заключается в том, что она должна иметь границы. Никто ни в одном обществе не может быть полностью свободен. «Неограниченная свобода так же разрушительна, как и слишком ограниченная», — отметил Хаксли (там же, с. 74). Это факт, который могут отрицать только идиоты или лицемеры.

«Человек рождается свободным и тем не менее он весь опутан цепями», — сказал Жан Жак Руссо. Данный афоризм нуждается в критической переоценке. Первая его часть — красивая бессмыслица. Она имела бы смысл лишь в том случае, если бы была зафиксирована в какой-либо конституции. А если такая конституция где-то и существует, то тогда она постоянно нарушается. Рождаясь, человек оказывается в новой для него среде, где он не может существовать самостоятельно и где он с самого начала опутан цепями зависимости от других людей и окружающих условий. В этот момент понятия свободы для него просто не существует. Большинство людей с самого рождения обречены на несвободу и страдания.

Таким образом, вопрос заключается в следующем. Каковы границы индивидуальной свободы? Можно ли позволить кому-либо убивать, насиловать, наносить увечия, причинять боль, угрожать, оскорблять, унижать, обманывать? Где границы? Большинство из нас ответят отрицательно на первые четыре примера физического насилия, хотя драки и увечия неотъемлемая часть многих популярных видов спорта. Однако такие формы агрессивного поведения, как угрозы, оскорбления, унижение и обман, рассматриваются многими из нас с изрядной долей снисходительности и благодушия (до тех пор, пока мы сами не становимся их жертвой). Все эти «мягкие» формы насилия не менее вредны для общества, чем насилие физическое, потому что они не позволяют нам стать истинно человеческими. Дикарь и варвар не заслуживают большой свободы, потому что они злоупотребляют ею и, в конечном счете, разрушают ее. Они причина страданий других людей, предоставление им большей свободы ограничивает свободу других.

Многие интеллектуалы ошибочно полагают, что свободу следует раздавать щедрыми порциями и даже навязывать тем, кто не понимает ее смысла, не готов к ней, не нуждается в ней или даже боится ее. «Человека необходимо принуждать к свободе», — сказал Джон Стюарт Милл, несомненно, с добрыми намерениями. Свобода сама по себе не

Erich Fromm

есть абсолютная добродетель; это человеческое изобретение. Мы не должны становиться рабами свободы, делать из нее идола. Кроме того, это социальное понятие и поэтому может иметь ценность лишь в применении к человеческому обществу, а не к индивидууму. Люди должны пользоваться свободой для всеобщего блага.

Демократия

Если заглянуть в какой-нибудь большой толковый словарь английского языка, то там можно обнаружить с полдюжины определений слова «демократия», что уже само по себе приводит к различному толкованию этого понятия различными социальными группами и индивидуумами. Вот некоторые основные толкования этого слова:

1. Управление государства народом.
2. Правление большинства.
3. Форма правления, при которой верховная власть принадлежит народу и осуществляется им непосредственно.
4. Форма правления, при которой верховная власть принадлежит народу и осуществляется его представителями, избираемыми на периодически проводимых свободных выборах.

Теперь давайте подробнее рассмотрим эти определения. Первое из них правление народа, которое все еще очень популярно среди демагогов, определяет то, что никогда не существовало. К тому же оно лишено смысла: во-первых, если правит не народ, то кто же еще может править? боги? животные? Если имеются в виду политики, то они еще не народ, а только часть его; и во-вторых, народ не может править самим собой в буквальном смысле.

Правление большинства наиболее близко к действительности. Третье и четвертое определения более элегантно, но в то же время и более далеки от реальности. В своей книге «Современная демократия» (с. 384) Карл Беккер отметил «...глубокое расхождение между демократией-идеалом и демократией-реальностью. С точки зрения идеала, либерально-демократическая революция должна была привести к появлению относительно простого общества свободных, равных и материально обеспеченных граждан, сотрудничающих путем рациональных дискуссий и взаимных уступок на общее благо. В действительности же образовалось крайне сложное общество, в котором действует разветвленная система обезличенных экономических сил, превалирующих над доброй волей и разумными намерениями. Это привело к концентрации богатства и власти в руках ограниченной группы избранных, тем самым сведя на нет для большинства людей многие фундаментальные свободы, которые служили теоретическим обоснованием и обеспечивали необходимые условия для успешной

работы демократических институтов». Другими словами, мечта об истинной демократии так никогда и не была реализована. Вместо этого мы имеем сегодня в ряде так называемых «цивилизованных» стран демократию-суррогат, полудемократию. После падения «железного занавеса» с большей очевидностью выявились ее недуги: интеллектуальное, духовное и нравственное вырождение, неустойчивая экономика, социальная незащищенность, загрязнение окружающей среды и неспособность к предвидению, короче говоря, тенденция к саморазрушению. Кстати, второе определение таит в себе конфликт между большинством и меньшинствами, никак не разрешая его. Таким образом, каждый волен выбирать себе то значение слова «демократия», которое отвечает его целям, тем самым усугубляя неразбериху в этом вопросе.

Содержащееся в цитате Беккера предположение о том, что либерально-демократическая революция могла бы привести к созданию общества свободных, равных и материально обеспеченных граждан, конечно, наивно. Для меня нет никакого сомнения в том, что ни либерально-демократическая, ни какая-либо другая революция, основанная на насилии, не способна привести к созданию справедливого и разумного общества. Революции не могут превратить варвара в разумного человека. Единственный путь к этой цели — просвещение.

Теперь мы подходим к фундаментальному вопросу о том, может ли вообще демократия быть по-настоящему работоспособной идеей, особенно в современном обществе? Многие люди верят или делают вид, что верят, что демократия работает. Но что они имеют в виду, употребляя слово «работает»? Означает ли это, что демократия всегда работала, или будет работать, по крайней мере, какое-то продолжительное время? Можем ли мы сказать, что она работает, только потому, что древние греки какое-то время играли в эту игру, или потому, что западная полудемократия просуществовала пару столетий? В конце-концов два столетия — это лишь мимолетное мгновение в 10-тысячелетней истории человеческой цивилизации. Искаженная идея демократии просуществовала до наших дней только потому, что экономическая машина свободного предпринимательства в промышленно развитых странах выкачивала из природы и человека максимум ресурсов для накопления материальных ценностей. Часть этого богатства распределялась среди низших слоев общества, создавая иллюзию социальной справедливости и всеобщего долговременного процветания. Теперь период такого «процветания» завершился и никогда больше не повторится, потому что естественные запасы природных ресурсов стремительно истощаются и окружающая среда так же стремительно разрушается.

Я беру на себя смелость утверждать, что демократия не работает и не может работать, ибо она полна противоречий. Наиболее существенное из них заключается в следующем. Демократия предполагает, что народ (массы, общественность, публика) выбирает себе вождей, которые должны вести его куда-то, предположительно к лучшему будущему. «Лучшее» в умах большинства людей ассоциируется с большим количеством материальных ценностей, удовольствий и развлечений. Люди продолжают цепляться за эту мечту, закрывая глаза на действительность. Действительность же такова, что на общество обрушивается все большее число проблем, которые ни один из политических лидеров не может или не хочет решать. Единственный способ решить накопившиеся проблемы — это не только отказаться от Великой Мечты о всеобщем изобилии, но и пожертвовать некоторыми материальными благами уже сегодня. Многие ли люди готовы к этому? Очень немногие. Вожди, будучи в общем-то умными, талантливыми и работоспособными людьми, в то же время так же поглощены заботами о личном благосостоянии, как и массы, из которых они вышли: та же ментальность, то же отношение к жизни, та же философия гедонизма. Только мечты их более амбициозны, и шансы на успех выше, поскольку, как мы знаем, положение лидера предполагает более широкие возможности и привилегии. Для достижения статуса лидера тщеславный политик должен быть сначала избран. Чтобы быть избранным, необходимо угодить публике. Как проще всего угодить массам? Конечно, не тем, чтобы говорить правду и призывать к жертвам. К власти обычно приходят так: говорят публике то, что она хочет слышать, и дают обещания, заведомо зная, что не смогут их выполнить. Массы, в отличие от индивидуумов и небольших групп, не способны думать, а следовательно, принимать правильные решения. Они хотят, чтобы за них решали вожди. Таким образом, будущее масс зависит от вождей, в то время как настоящее вождей зависит от масс. Главный парадокс демократии состоит в том, что менее способные и образованные массы держат заложниками своих более способных и образованных вождей, требуя, чтобы те вели их по пути, которого не существует, к цели, о которой ни те, ни другие не имеют никакого представления.

Рассмотрим теперь вопрос о большинстве и меньшинствах при демократии. Большинство не всегда или не обязательно понимает, что хорошо и что плохо для общества, а, следовательно, для него самого (Германия при Гитлере). Здесь я хочу предложить свое определение добра. Добро — это принципы, условия, идеи и действия, способствующие выживанию и совершенствованию человеческой расы. Я пришел к нему через разум и логику. Те, кто убежден в правильном понимании добра, как бы они его ни определяли, должны распрост-

ранять свои взгляды среди людей. Но, в конечном счете, последнее слово должно быть за большинством; ему решать, какими должны быть закон и нравственность. Это единственный способ сохранить фундаментальный принцип демократии и удержать насилие под контролем. Меньшинства и индивидуумы должны иметь право не соглашаться с большинством и в определенных рамках противостоять воле большинства, не прибегая к насилию. Защита интересов меньшинств и индивидуумов при современной демократии может выглядеть благородно, однако, она создает неразрешимые противоречия в реальной жизни, ибо никогда не удастся примирить интересы и требования многочисленных социальных групп, чьи установки базируются на различных религиозных и культурных верованиях и традициях, а не на разуме. Сегодня на нашей планете живет более 5,5 миллиардов человек. У каждого из них разные физические и умственные способности, вкусы, восприятия, традиции, образование и т. д. Иначе говоря, угодить каждому из них просто невозможно. Вот почему необходимо было выдумать демократию как изъявление воли большинства.

Демократия могла бы работать лишь в гуманистическом обществе, члены которого достаточно просвещены, чтобы понимать суть проблем и примириться с некоторыми ограничениями их интересов, свобод и прав. Для того чтобы сознательно принимать решения, люди должны уметь думать критически, логически и объективно, понимать существо происходящих вокруг них явлений и событий. К сожалению, сегодня большинство людей не способны сделать правильный выбор. Они выбирают лидеров, привлекающих их внимание своими манерами и внешностью, а не ценностью своих идей. Вожди, которые руководствуются стремлением к власти и богатству, а не гуманистическими принципами и представлениями о более человечном обществе, заигрывают с массами, для того чтобы закрепить за собой материальные привилегии. В действительности, подобная фальсификация демократии создает порочный круг коррупции и нравственно-интеллектуальной деградации. Глупость, безнравственность, нечестность, агрессивность и насилие постепенно становятся нормой. Демократия такого рода освобождает людей от ответственности за последствия их действий. Ее философия — индивидуальная свобода, граничащая с анархией, и гедонизм. Как отметил Нил Поустман в своей книге «Развлекаясь до умопомрачения» (с. 56), «Великие деятели американской юриспруденции Джон Маршалл, Джозеф Стори, Джеймс Кент, Дэвид Хофман, Уильям Уэрд и Даниэл Вебстер являли собой образец интеллектуального изящества, преданности логике и знанию. Они подозревали, что демократия порождает опасность разгула недисциплинированного индивидуализма».

Гуманизм

Гуманизм можно в общих чертах определить как философию, имеющую дело с человеческими интересами и ценностями. Поскольку интересы и ценности имеют различное значение для разных людей, то и термин «гуманизм» интерпретируется по-разному. Сегодня на Западе гуманисты расколоты на два главных лагеря: верующих и светских. Первые утверждают, что истинным гуманистом может быть лишь тот, кто верит в Бога. Последние отвергают все религиозные верования и считают, что будущее человечества определяют свободо-мыслие и наука. В то время, как религиозные гуманисты полагаются на Бога, который должен разрешить все их проблемы, атеисты (особенно американские), многие из которых все еще не желают отказаться от своих варварских привычек, пропагандируют идею «наслаждения жизнью здесь и сейчас». На мой взгляд, это безответственная позиция. Как мы можем позволить себе такого рода подход к жизни, мне не понятно. Он носит откровенно эгоистический характер и не может быть полезен для общества в целом. Некоторые из этих «гуманистов», хорошо устроившись в жизни, действительно получают от нее удовольствие. Располагая большим досугом, они иногда собираются, чтобы поболтать о политике и местных проблемах, пишут письма правительственным чиновникам и в газеты, участвуют во всяческих демонстрациях, разрабатывают бесполезные резолюции. Для многих из них гуманизм просто хобби, времяпрепровождение, интеллектуальный моцион. Они против превращения гуманизма в серьезное общественное движение, потому что это поставило бы под угрозу всю существующую социальную систему со всеми привычными для них привилегиями. В частности, они избегают употреблять слово «идеология», которое в их представлении связывается с коммунизмом, хотя оно просто обозначает любую систему идей и взглядов. Но, если в нашем мире и могут быть произведены серьезные изменения, то это возможно только на основе системы идей.

Я встречал довольно странных гуманистов. Один из них, например, высмеивал и поносил мораль. Другой хвастался тем, что его единственный принцип — это не иметь никаких принципов. Одна дама при обсуждении прав гомосексуалистов с гордостью за своего единомышленника заявила, что президент Международного союза гуманизма и этики, сам гомосексуалист, был удостоен великой чести быть принятым самой королевой Великобритании. На собраниях общества гуманистов, в котором я состоял около двух лет, меня не раз упрекали за слишком серьезный подход к обсуждению социальных проблем.

Нерелигиозные организации, такие как Американская гуманистичес-

кая ассоциация и Канадская ассоциация гуманистов, время от времени публикуют брошюры с изложением своих принципов, большинство из которых, на мой взгляд, вполне разумны. В то же время некоторые из этих принципов весьма поверхностны («Мы верим в красоту, а не в уродство»); или отдают безответственным либерализмом, когда они говорят о праве людей «выражать свои сексуальные предпочтения», или ошибочны («Мы должны признать, что человеческие чувства есть источник всех нравственных ценностей; они критерий выбора цели»); или способствуют межнациональному отчуждению («Мы поощряем расовую и этническую гордость, ...мы подчеркиваем важность позитивных аспектов национализма»). Кстати ни в одной из брошюр я не встретил определения «позитивного национализма»). Кроме того, некоторые из этих высокопарных, ласкающих слух деклараций противоречат друг другу или даже взаимоисключают друг друга.

Побывав членом такой ассоциации, я разочаровался в официальном светском гуманизме, который, похоже, удовлетворен существующим положением дел и не движется ни в каком направлении. Он сосредоточил свои усилия на борьбе с религией, уделяя мало внимания таким острым социальным проблемам, как падение морали, культурная и интеллектуальная деградация, рост преступности и анархии, этнические конфликты, загрязнение окружающей среды, перенаселенность и т. д. Современный гуманизм нуждается в переориентации. Мы должны развивать то, что Эрих Фромм называл «наукой о гуманизме». Первоочередной задачей гуманизма должны стать создание единой теории глобального гуманизма и программы конкретных действий по его воплощению. Он должен охватить все аспекты жизни человека и все аспекты его среды обитания на основе всеобщего просвещения и комплексного подхода к решению проблем.

Гуманистические организации и общества должны стать центрами серьезной философской мысли, а не сборищами для досужей болтовни и вечеринок. Для того чтобы группа людей смогла обсудить даже одну серьезную проблему, два-три часа в месяц явно недостаточно. Дискуссия может быть плодотворной лишь в том случае, если ее участники:

- искренне озабочены существом проблемы и заинтересованы в ее решении;
- могут посвятить более продолжительное время, по крайней мере несколько часов обсуждению проблемы;
- придерживаются логики в рассуждениях;
- стараются быть объективными и обуздывать свое самолюбие;

- ставят своей целью поиск конструктивных решений;
- документируют результаты и выводы дискуссий для последующего использования заинтересованными лицами и организациями.

Где же найти таких серьезных, уравновешенных людей, могут задать вопрос. Конечно, это нелегко. Мы можем лишь стараться и надеяться. Простое увеличение числа членов гуманистических обществ, конечно, поможет решать финансовые вопросы, но вряд ли будет способствовать прогрессу гуманизма. Качество нельзя подменить количеством. Нельзя стать гуманистом, просто платя членские взносы. Многие из нас нескромно называют себя гуманистами, но настоящих гуманистов, к сожалению, немного. И уж совсем абсурдно и безнравственно награждать этим титулом таких людей, как телевизионный магнат Тэд Тернер («гуманист года» !!!), жаждущий власти и воплощающий собой диктат корпораций. Интересно, что побудило Международную ассоциацию гуманистов сделать это? Может быть, он сделал большое пожертвование в пользу этой организации, которое, как бы велико оно ни было, представляет всего лишь крохи для его телевизионной империи? Или на них произвело большое впечатление его «благородное» предложение наградить полумиллионном долларом того, кто напишет книгу о том, как усовершенствовать наше общество?... Как будто большие деньги способны пробудить в литераторе мудрость и нравственность.

Истинный гуманист, на мой взгляд, это человек, который придерживается высоких моральных принципов, проявляет заботу о других людях и обществе в целом и участвует в деле продвижения гуманизма и поиска решений человеческих проблем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБЩЕСТВО

ГЛАВА 3. МАССЫ

Неразумность, поверхностность мышления

В пьесе «Сват» американского драматурга Тортона Уайдлера один из героев говорит: «99 % людей дураки, а остальные подвергаются опасности заразиться глупостью». Известный психоаналитик, философ и автор многих книг Эрих Фромм писал («Разумное общество», с. 154): «...поразительно, насколько развился ум человека и деградировал его разум... Даже с XIX века до наших дней наблюдается заметное нарастание глупости». Артур Кестлер высказался еще более пессимистично (с. 9): «Человек, возможно, и милое, но уж, конечно, не разумное существо; и нет никаких признаков того, что он становится таковым». Кого имели в виду эти известные люди, когда говорили такие ужасные вещи? Очевидно большинство из нас, то есть публику, толпу, массы. Похоже, что человеческий разум все еще пребывает в зачаточном состоянии.

В свете все усложняющихся проблем, стоящих сегодня перед обществом, большинство людей можно разделить на три основные категории: 1) тех, кто невежествен и поэтому в какой-то степени невинен; 2) тех, кто не способен понимать, и поэтому в какой-то мере безнадежен; 3) тех, кто понимает, но кому безразлична судьба нынешнего и будущих поколений. Однако сегодня, когда благодаря коммуникациям и компьютерной технологии информация стала общедоступной, взрослый человек уже не может оправдывать свое безответственное отношение к жизни нехваткой знаний. Те, кто это делает, или неумны, или безнравственны, или то и другое вместе. Чтобы ясно понимать, необходимо думать, но это занятие сегодня принято считать бесполезным. У одних людей просто нет времени для того, чтобы думать, потому что они полностью поглощены решением повседневных проблем; другие не хотят или боятся думать, так как это осложняет их жизнь. Вместо этого они просто реагируют на различные жизненные ситуации. Как отмечал Олдос Хаксли («Собрание очерков», с. 380), «Мы грешим тем, что ленимся думать категориями причинно-следственных связей, и вместо этого увлекаемся чрезмерным упрощением, обобщением и абстрагированием».

Стадность, конформизм

Признав животную природу человека, давайте обратимся теперь к конкретным проявлениям этой его природы. Во-первых, человек испытывает потребность собираться в группы; чем больше группа, тем безопаснее, смелее и сильнее мы чувствуем себя, так же, как животные стремятся избежать опасности, сбиваясь в стада и стаи. Оставаясь наедине с собой, многие люди испытывают безотчетную тревогу, ощущение чуждой им среды. Вот почему они так любят участвовать в разного рода сборищах, таких, как вечеринки, массовые гуляния и, конечно, демонстрации. Для них, как говорил Фромм («Разумное общество», с. 64), «...ощущение своей личности основывается на безусловной принадлежности к толпе». В толпе люди теряют свою индивидуальность и рассудочность. Они становятся более внушаемыми и легче поддаются манипулированию со стороны вождей (политиков, активистов, проповедников, кумиров...). С другой стороны, толпа способна самовозбуждаться и взрываться разрушительными, агрессивными действиями, например, бунтами. Очень точное описание этого феномена дано Олдосом Хаксли в его книге «Возвращение в Отважный новый мир» (с. 70-74):

«Группы способны быть нравственными и разумными, как и индивидуумы, которые их составляют; толпа же хаотична и не имеет собственной цели. Она способна на что угодно, но только не на рациональные действия и реалистическое мышление. Сойдясь в толпу, люди лишаются самосознания и способности делать нравственный выбор. Их внушаемость возрастает до такой степени, что они полностью теряют рассудок и волю. Они приходят в возбуждение, утрачивают всякое чувство индивидуальной и коллективной ответственности, подвержены приступам ярости, энтузиазма и паники. Короче говоря, человек в толпе ведет себя так, словно он проглотил изрядную дозу сильно действующего наркотика. Он становится жертвой того, что я называю «отравлением духом толпы». Подобно алкоголю, оно лишает его самоконтроля. Он бежит от ответственности... в мир безумия, безнравственности и животного бездумия... Добродетель и рассудочность присущи индивидуумам, добровольно объединившимся в небольшие группы, хотя одновременно им могут быть присущи также греховность и глупость... Бездумность и моральный идиотизм не являются человеческими качествами; это симптомы отравления духом толпы».

Другая присущая толпе черта конформизм, побочный продукт стадного чувства. Под конформизмом подразумевается неосознанное, внушаемое или добровольное принятие господствующих мнений и установок. (Конформизм такого рода не следует смешивать с сознательной и разумной самодисциплиной.) В толпе индивидуум стремится вести себя и выглядеть подобно другим, боясь быть отторгнутым от племени. Конформизм охватывает все слои общества сверху донизу: молодых и старых, богатых и бедных. Мы говорим здесь не об обстоятельствах или требованиях дисциплины, вынуждающих человека подчиняться, а о добровольном отказе от собственной индивидуальности, а следовательно, и от своей свободы и человеческого достоинства. Люди всех возрастов испытывают на себе влияние окружающей социальной среды источника большинства социальных проблем, таких как наркомания, пьянство, сексуальная распущенность, насилие и т.д. Даже мода (поведение, одежда, прически), которая почти поголовно принимается за проявление индивидуальности, является, по сути дела, тем же конформизмом. Те, кто фанатически следует моде, просто принимают идеи и вкусы других, чтобы прикрыть собственную интеллектуальную и духовную посредственность, безликость или ничтожество. Считая себя оригинальными личностями и индивидуалистами, они продолжают искать племня, пусть даже малочисленное, к которому можно было бы примкнуть. В книге «Возвращение в Отважный новый мир» (с. 39) Олдос Хаксли соглашается с Эрихом Фроммом в том, что «миллионы ненормально нормальных людей, живущих без особых забот в обществе, к которому, если бы они были полностью очеловеченными, не смогли бы приспособиться, продолжают лелеять «иллюзию индивидуальности», хотя в сущности давно уже ее утратили. Их конформизм трансформируется в нечто подобное единообразию. Однако «единообразие и свобода несовместимы». Как размышлял герой книги Хаксли «Эти опавшие листья» мистер Челифер (с. 314), «через несколько поколений, возможно, вся планета будет заселена одним огромным племенем, говорящим по-американски и состоящим из множества особей, которые думают и ведут себя абсолютно одинаково...»

Идолопоклонство

Наш примитивный предок поклонялся идолам, потому что имел слабое представление о происходящих в природе явлениях, таких как затмения, извержения вулканов, землетрясения, грозы, пожары, наводнения и т. д. Ему было легче вообразить фантастических, невидимых зверо- и человекоподобных существ, которые были причиной этих явлений и которых нужно было умилостивить различными

способами, вплоть до приношения в жертву животных и людей, чтобы те не причиняли человеку вреда. Несмотря на то, что за тысячелетия своего существования человечество добилось огромного прогресса, накапливая опыт и знания, этот первобытный инстинкт продолжает жить в нашем подсознании, заставляя искать себе духов и идолов, часто через посредство религии и искусства. Сегодня в их роли выступают уже не Солнце и Луна, не изготовленные из дерева или камня статуи, изображения и т.д., а звезды кино и рок-музыки, профессионалы спорта, ведущие телевизионных шоу и прочие знаменитости. В их тени обыкновенный человек тоже чувствует себя личностью. При этом не имеет значения, порядочен ли этот идол или он подонок, честный или мошенник, умный или глупый. Таланты и способности, которыми природа одарила идолов (причем бесплатно), оцениваются публикой гораздо выше, чем человеческое достоинство. Зная это, кумиры делятся своим природным даром (уже за немалую плату) с публикой. Хуже того, бездумная публика позволяет новым «богам развлечения» брать на себя роль образца поведения для детей, внушая им, что богатство, слава, власть и удовольствия есть истинные человеческие ценности, ради которых только и стоит жить. Некоторые светские гуманисты «свободные мыслители» и атеисты, которые видят в религии источник всех наших бед, в то же время проявляют терпимость к современным формам идолопоклонства, тем самым потакая невежеству и глупости. Должно быть, это к ним взывал Эрих Фромм, когда писал (там же, с. 305): «Не пора ли прекратить споры о Боге и, вместо этого, объединить усилия для разоблачения современных форм идолопоклонства?»

Потребительство, меркантильность, гедонизм

Западное общество обеспечивает индивидууму право вести такой роскошный образ жизни, какой ограничивается только размерами приобретенного им капитала. Иначе говоря, если у вас достаточно денег, вы можете купить сколько угодно земли, промышленных построек, средств производства, жилых домов, автомобилей и т.д., независимо от того, каким образом вы обогатились, и при условии, что вы прямо не нарушаете существующих законов. Деньги открывают почти безграничные возможности для испытания всех видов удовольствий, для удовлетворения любых желаний, прихотей и фантазий, включая секс и наркотики. В отличие от старых времен, когда короли и аристократия купались в роскоши за непроницаемыми стенами своим замков, сегодняшние нувориши практикуют гедонизм открыто, щедро делясь опытом своей сладкой жизни (правда, только заочно) как со своими менее удачливыми соотечественниками, так и

с населением стран третьего мира. Сегодня весь мир знает, чего желать и в чем заключается счастье. Миллиарды людей смотрят по телевизору бесконечные сериалы о жизни богатых людей и другие низкопробные передачи. Когда им не нужно думать о выживании, они мечтают о том, как стать богатым и наслаждаться жизнью. «Что касается добра и счастья, — писал Аристотель, похоже, что в представлении толпы, обладающей грубым вкусом, они заключаются в удовольствиях, которые она и принимает за свой идеал».

Западная экономика расходует огромные ресурсы на создание бесчисленных предметов и услуг, единственное назначение которых доставлять удовольствие (шикарные машины, модная одежда, ювелирные изделия, рестораны, бесконечные развлечения, бесполезные безделушки и т.д.). Возник новый феномен — потребительство. Теперь люди живут для того, чтобы потреблять. Для многих из них приобретение вещей стало источником удовольствия, привычкой, даже страстью. «Современный человек, писал Эрих Фромм (там же, с. 123), — если бы он взялся описать рай, каким он себе его представляет, то это был бы самый большой в мире универсам со множеством новых вещей и безделушек, а сам он покупатель с карманами, полными денег... Он бродил бы по этому раю безделушек и товаров с открытым ртом и желал бы только одного, чтобы их становилось все больше и больше и чтобы его возможности покупать их превосходили возможности его знакомых». Промышленность любой ценой стремится обеспечить постоянный приток новых товаров, производство и последующее превращение которых в отходы неизбежно ведут к истощению ресурсов и загрязнению окружающей среды. Печально, что такие люди, как известный американский адвокат Рэлф Нэйдер, тратят свою энергию и талант на защиту интересов ненасытного потребителя (которого Фромм называл «неисправимым простачком с открытым ртом»), тем самым способствуя расточительству, вместо того чтобы призывать к разумной умеренности.

Хотя марксистская философия, одним из основополагающих принципов которой является материализм, поносила Запад за его капиталистическую буржуазную идеологию, основанную на идеализме. Как капитализм, так и коммунизм, по мнению Фромма (там же, с. 313), «полностью материалистичны в своем мировоззрении, будь то христианская идеология на Западе или светское мессианство на Востоке». Советские коммунисты, претендовавшие на то, что строили новое общество, обещали массам материалистический рай, неограниченное изобилие товаров и услуг «каждому по потребностям». Промышленно развитые страны Запада могли бы ближе подойти к этой цели, если бы не один упрямый факт: при отсутствии разума пристрастие человека к материальным ценностям не знает границ. Никогда не будет

достаточно вещей для всех, особенно с учетом происходящего сейчас в мире демографического взрыва. Если мы не проведем переоценку наших ценностей, то в конечном счете вся история человеческой цивилизации сведется к огромной коллекции технологического лома и антиквариата, а также к грудам токсичного мусора. «Материализм, преобладающий в нашем обществе, — сказал Фромм («Одержит ли человек верх?», с. 129), — разъедает понимание смысла жизни в молодом поколении и ведет к цинизму. Ни религия, ни гуманистические учения, ни марксистская идеология не могут быть достаточно действенным противоядием, если только во всем обществе не произойдут коренные изменения».

Жадность, стяжательство

Всем известна поговорка: «Чем богаче, тем жаднее». Я не уверен, что ее можно применить ко всем людям, но современный потребитель, действительно, как утверждает Фромм («Иметь или быть?», с. 136), «всегда обеспокоен, всегда движим чувством страха, что он чего-то недополучил, что-то упустил, чего-то лишен. Он наполнен жгучей завистью к тому, кто имеет больше».

Каковы же корни жадности? Я не думаю, что человек рождается жадным в отношении к вещам, потому что в момент рождения он еще не подозревает об их существовании, хотя, конечно, в нем заложен инстинкт поиска пищи. Жадность — это болезнь. Так же как животное, жадное на пищу, становится физически больным от переедания, жадный на вещи человек становится душевно нездоровым от их перенакопления. Три столетия назад Спиноза заметил: «Фактически жадность, амбиции и т.п. есть формы безумия, хотя обычно их не принято считать болезнью». Мы заражаемся этой болезнью от общества. Фромм писал («Революция надежды», с. 184): «Жадность и зависть не проистекают от внутренней природы человека, а возникают под давлением общества, заставляющего человека быть «волком среди волков». В обществе, для которого характерны стяжательство и эгоизм и которое управляется капиталом, производящей потребительские товары промышленности и паразитическому рекламному бизнесу выгодно при содействии безответственных средств массовой информации пропагандировать идею, что жадность и стяжательство — естественные человеческие черты, которых не надо стыдиться и которые даже необходимы для более быстрого прогресса экономики и общественного благосостояния. Не удивительно поэтому, что коррупция и обман бурно процветают в среде политиков и государственной бюрократии.

ГЛАВА 4. ИСТЕБЛИШМЕНТ

Социальные системы и идеологии

Монархия, диктатура, тоталитаризм, социализм, коммунизм, капитализм, демократия — вот некоторые из названий политических и экономических систем, с которыми человечество экспериментировало на протяжении своей истории и которые все или закончились крахом или обречены на провал. Все эти системы архаичные или современные, независимо от того, пытаются ли они выглядеть прогрессивными и гуманистическими или нет, представляют собой пирамиды власти, позволяющие малым привилегированным группам (королевским фамилиям, диктаторам, политикам, корпорациям) удерживать в своих руках власть и богатства путем контроля и манипулирования непрощенными массами. Еще в '50-х годах Эрих Фромм указал на существенное сходство между капитализмом и коммунизмом («Разумное общество», с. 311):

«Обе системы базируются на индустриализации. Их цель непрерывное повышение экономической эффективности и накопление материальных ценностей. Этими обществами руководят управленческий класс и профессиональные политики... Они загоняют массы в централизованный бюрократический аппарат, в крупные предприятия, в массовые политические партии. Каждый человек становится винтиком машины, которая должна работать бесперебойно. На Западе это достигается методом психологической обработки, массового внушения, денежного вознаграждения. На Востоке всем этим и применением террора... Запад быстро движется в направлении Хакксиевского «Отважного нового мира», Восток сегодня это Оруэлловский «1984-й». И обе системы конвергируют».

Коммунизм в Советском Союзе и Восточной Европе потерпел крах. Но не потому, что был побежден Западом, как любил хвастаться бывший президент США Рональд Рейган. Коммунизм пал, как я писал ранее в одной статье, потому что он был изначально порочен и поэтому заранее обречен.

Во-первых, он был преждевременен. Человеческая раса не была готова, как она не готова сегодня к таким великим идеям, как истинная демократия, равноправие, духовная свобода, нравственность, ответственность, достоинство и т. д.

Во-вторых, коммунистическая элита (то есть те, кто, возможно, искренне был озабочен судьбами человечества) была слишком мало-

численна, чтобы построить новое общество без помощи огромной армии бюрократов и полуграмотных исполнителей, рвущихся к власти и развращаемых властью, которые, в конечном счете, избавились от своих учителей и стали хозяевами советской империи.

В-третьих, обещание земного рая и материального изобилия было большой ошибкой, потому что отодвинуло на задний план духовные ценности и тем самым распахнуло ящик Пандоры, выпустив наружу рой недостижимых желаний и фантазий. Первая Советская Конституция должна была бы включить в себя конкретный пункт, проводящий четкую границу между достаточным комфортом для «слуг народа» и чрезмерной роскошью с неограниченным удовлетворением материальных прихотей. Провозгласив материальный стимул в качестве решающего фактора построения коммунизма, Хрущев начал копать могилу советской экономике и всей коммунистической идеологии. Кроме того, ослепленные маниакальной идеей — «догнать и перегнать Запад», советские идеологи были неспособны предвидеть мрачные последствия промышленного и научно-технического прогресса для окружающей среды и человеческой психики.

В-четвертых, коммунизм не только не отказался от насилия, но использовал его для захвата власти, для осуществления полного контроля над обществом и для распространения своей идеологии во всем мире. Скрываясь за привлекательным фасадом гуманистических идеалов, лозунгов и обещаний, советские коммунисты сумели удерживать власть в течение более 70 лет, эффективно сочетая демагогию, лицемерие и промывание мозгов с жестоким подавлением всякого инакомыслия.

И, наконец, самое главное, коммунизм пал потому, что его целью никогда не было очеловечивание общества, нравственное просвещение масс и культивирование разума и сознания. Без этой цели любое общество обречено на метание между полудемократией и диктатурой, а в конечном счете, на деградацию и крах.

Современная демократия западного типа, движимая принципом выживания сильнейшего, не является полностью сформировавшейся демократией гуманистического типа. Это полудемократия, которая, возможно, является наилучшей социальной формацией на данном этапе, но, к сожалению, далека от того, чем она может и должна быть, с точки зрения, зрелого истинно гуманистического общества. На Западе полудемократия работает для тех, кто достиг стабильного материального благополучия, но, безусловно, не работает для низших слоев общества, которых одолевают житейские заботы и проблемы (не говоря уже об интеллектуальной и духовной удовлетворенности). И уж, конечно, она не работает для большинства стран Африки, Азии и

Латинской Америки, где миллионы людей пытаются выжить в нечеловеческих условиях.

Для большинства людей в России и Восточной Европе, а также в других районах мира, западная демократия и капитализм представляются наиболее привлекательной альтернативой, благодаря отсутствию дефицита продуктов, товаров и услуг, более высокому уровню жизни, впечатляющим примерам роскоши и относительной свободы удовлетворения потребностей, инстинктов, прихотей и фантазий. Но чтобы достичь этой заманчивой цели, Востоку потребовалась бы такая же система административных и правовых институтов, которая на Западе складывалась столетиями. Эта система на определенных этапах истории была, возможно, необходимой, прогрессивной и динамичной, но сегодня уже изжила себя и не способна вести человечество в будущее.

Капитализм процветал в прошлом, благодаря максимальной эксплуатации природных и человеческих ресурсов. Сегодня, вместо того чтобы обеспечить разумную экономическую достаточность для всех стран мира и большую свободу для человеческого духа, он ведет к разрушению нашей среды обитания и превращению нас в общество варваров и полуроботов, оснащенное самой современной технологией. Основанная на меркантилизме, жадности, корысти и конкуренции, западная экономика не могла оставаться здоровой длительное время. Сегодня она неизлечимо больна чрезмерным потребительством.

В корне всех проблем современного общества лежит эрозия человеческого достоинства, совести и духовных ценностей. Как писал Фромм в книге «Одержит ли человек верх?» (с. 232), «Запад являет миру картину морального банкротства нового общества. Мы проповедовали христианство язычникам, в то время как брали их в рабство и обращались с ними, как с существами низшего вида; теперь мы проповедуем духовность, нравственность, веру в Бога и свободу, в то время как нашими действительными ценностями являются деньги и потребительство (это часть нашего ... «двоемыслия» ..., которое мы тоже проповедуем)».

Ввиду растущего хаоса в различных районах мира идея возвращения к монархии становится популярной в некоторых странах. Однако возникает ряд вопросов. Сможет ли восстановление этой атактистической (и дорогостоящей) формы правления в таких странах, как Россия, Румыния, Венгрия и Югославия, разрешить их политические, экономические и социальные проблемы? Сможет ли она править разумно в интересах всего человечества? Сможет ли она противостоять традиционному стремлению королевской элиты к злоупотреблению властью? Сможет ли монарх быть мудрым, ответственным, нравственным и бескорыстным лидером только потому, что он (или она) унаследовал королевский титул? Основываясь на информации, которой мы распо-

Erich Fromm

лагаем сегодня, лучше на это не рассчитывать. Я наблюдал по телевидению интервью с некоторыми отпрысками королевских фамилий, на несколько десятилетий законсервированными в изгнании. Я не увидел в них ничего такого, что отличало бы их от типичных современных политиков как в интеллектуальном, так и в духовном плане. Достаточно посмотреть на британскую королевскую династию, самого крупного из сохранившихся динозавров монархии, этого пустого и бесплодного символа для невежественной толпы, которая имеет слабое представление о человеческом достоинстве и добровольно относит себя к классу плебеев. В наше время экономических кризисов, политической растерянности, кровавых межнациональных и религиозных конфликтов члены королевской семьи не столько озабочены проблемами человечества, сколько заняты проведением пышных церемониалов, модами, игрой на скачках и своими мелкими семейными дрызгами. До недавнего времени у них даже не хватало порядочности добровольно платить налоги на свои обширные земельные владения, дворцы, доходы и личный капитал, тогда как все другие обязаны были это делать.

Члены королевской фамилии имеют почти безграничные возможности для самосовершенствования: в их распоряжении лучшие учебные заведения, они располагают почти полной политической и финансовой свободой; казалось бы, что от них можно было бы ожидать и более высокого уровня разума, нравственности и духовности. Однако мы этого не наблюдаем.

Правительство

Многие люди расходятся во взглядах на роль правительства. Одни жалуются на то, что правительство осуществляет чрезмерный контроль над гражданами и вмешивается в их повседневную жизнь. Другие критикуют его за то, что оно мало заботится о них. Вообще, большинство людей на Западе предпочитает систему свободного рынка, пока экономика «здора», т. е. пока у них есть возможность делать деньги, выискивать лазейки в налоговой системе и пользоваться всеми существующими привилегиями, способствующими повышению их уровня жизни. Все это известно под названием «капитализм». Однако, когда экономика расшатывается, когда рынок переживает спазмы, как это не раз случалось в прошлом, сторонники капитализма вдруг начинают думать иначе, нападают на правительство за то, что оно не стимулирует развитие экономики, и настаивают на том, чтобы оно обеспечивало граждан работой и выделяло средства на различные программы переквалификации. В такие периоды их внезапно начинают привлекать идеи социализма. Можно ли назвать такие убеждения последовательными?

Действительность же такова, что ни одна страна не может существовать без правительства и что отсутствие такового означало бы хаос и анархию, о чем наглядно свидетельствуют сегодня события в Сомали и Афганистане. Однако, даже в периоды благополучия находятся люди, которые продолжают видеть в правительстве помеху своей жизни. Так, например, главный редактор одной из американских газет заметил с изрядной долей самодовольства: «Мы, американцы, склонны не доверять своему правительству».

Люди выбирают правительство, ожидая от него, что оно разрешит все их проблемы, в особенности экономические, за сравнительно короткий период времени своего пребывания у власти. Например, максимальная продолжительность американского президентства ограничивается двумя четырехлетними сроками якобы для защиты демократии от коррупции и злоупотребления властью. Ирония заключается в том, что даже в случае избрания эффективной администрации, по истечении срока ее полномочий она будет автоматически заменена менее эффективной.

К сожалению, все правительства, состоящие из политиков, подвержены коррупции. Это не должно нас удивлять, потому что мы, в конце концов, живем в варварском обществе, в недрах которого и формируются личности наших политиков. К тому же они не просто выразители общепринятых взглядов и убеждений, а представители наименее нравственной части общества. «Что плохого в том, чтобы заработать лишний доллар?» — такой взгляд все еще популярен как оправдание незгичных поступков и считается почти нормой. Когда политика уличают в обмане или взяточничестве, пресса поднимает большой шум, но в итоге мало что меняется: те же лица остаются у власти или вновь переизбираются. Такое явление закономерность в современной демократической системе.

Единственный мыслимый способ решить эту проблему ликвидировать материальный стимул и искать кандидатов, которые были бы искренне озабочены проблемами общества, готовы были бы служить народу, не требуя за это особых привилегий, и были бы способны предложить обществу комплексную программу социальных перемен.

Средства массовой информации

Хотя средства массовой информации предпочитают считать себя поборниками свобод, гуманистических принципов и конституционных прав, «свободным духом» истины и фактов, в действительности, они не являются свободными, независимыми и объективными. Они процветают за счет стадной ментальности и внушаемости масс. В то же время работники средств массовой информации сами являются

частью публики со всеми ее предрассудками и заблуждениями; они руководствуются не столько духовными устремлениями, сколько материальными соображениями.

Многие журналисты открыто признают, что их деятельность носит коммерческий характер и что главная цель вещательных корпораций — прибыль. Если они не сумеют привлечь внимание публики и предложить читателям и слушателям продукцию, которая собрала бы многочисленную аудиторию, то их труд не будет оплачен. Чтобы угодить массам и обеспечить высокий рейтинг, корпорации вынуждены снижать качество содержания своих передач и публикаций до интеллектуального и культурного уровня толпы, то есть до посредственности. Вот что писал по этому поводу Карл Беккер в своей книге «Современная демократия» (с. 384):

«Сами средства массовой пропаганды являются коммерческими организациями, которые ориентируются на привлечение прибыли, и, следовательно, испытывают на себе влияние тех же факторов, которые действуют в системе свободного предпринимательства. Газеты вольны печатать все новости, которые «надо» печатать; но они не могут постоянно идти вразрез с интересами бизнеса, который платит за рекламу и обеспечивает тем самым распределение прибыли среди акционеров. Вещательные корпорации свободны от правительственной цензуры, по крайней мере, в разумных рамках, относительно свободны вещать то, что хотят; но они не решаются выпускать в эфир то, что может оскорбить преобладающие нравы или затронуть интересы коммерческих предприятий, которые финансируют развлекательные программы».

И публика и средства массовой информации оказываются в обоюдной зависимости: большая часть читателей и зрителей предпочитает низкопробные развлечения, а пресса и телевидение поставляют массам то, что те требуют, оправдывая свои действия заявлениями типа: «Это то, что публика хочет». Образуется порочный круг: развращая публику, средства массовой информации снижают свой собственный стандарт на качество и вкус. Эрих Фромм писал в книге «Разумное общество» (с. 14):

«У нас 90 % населения грамотны, мы можем пользоваться услугами радио, телевидения, кино и газет каждый день. Но вместо того, чтобы дать нам все лучшее, что имеется в литературе и музыке прошлого и настоящего, средства массовой информации и рекламы забивают людям головы мусором, не имеющим ничего общего с реальностью, и садистскими фантазиями, которые любой мало-мальски

культурный человек постыдится смотреть даже время от времени. Умы людей, как молодых, так и взрослых, подвергаются непрерывному отравлению, а мы беспечно продолжаем игнорировать безнравственность, царящую на экране.»

Понятие профессионализма для телевизионных журналистов выражается в том, что они должны освоить определенные манеры и позы и говорить с глубокомысленным видом даже на банальные темы. (Как заметил один комик, чтобы быть преуспевающим диктором телевидения, необходимо напускать на себя необычайно серьезный вид.) Например, представляя репортаж по телевидению, журналист должен держать одну руку в кармане брюк, а другую согнутой под 90 градусов у пояса, иногда разводя в стороны обеими руками для разнообразия или выразительности. Именно таких трафаретных поз и манер и ожидает от него публика. В большинстве случаев на должность диктора телевидения нанимаются лица, обучавшиеся актерскому мастерству. Зрителей больше привлекают манеры и внешность диктора, чем то, что он говорит. Сам же он озабочен не столько существом темы, сколько впечатлением, которое он производит на зрителя. Ведущие телевизионных новостей, которым платят жалование, выражающееся шестизначными цифрами, только за то, что они читают заранее подготовленный текст и держат собственное мнение при себе, пользуются популярностью, сравнимой только с популярностью кинозвезд и исполнителей шлягеров.

Часто документальные телевизионные программы преподносятся в претенциозной, напыщенной манере и сопровождаются громкой, назойливой музыкой. Хотя я не имею ничего против музыки как таковой, я все же считаю, что ее использование в передачах, претендующих на продуманность и серьезность, оказывает отрицательное воздействие на зрителей, вызывая в них чувства, страсти и образы, которые отвлекают от реальности. Иными словами, используются все средства для того, чтобы воздействовать на эмоции человека, а не на его разум. К сожалению, именно так воспринимает действительность современная публика.

Работники средств массовой информации стремятся произвести впечатление, что они служат народу, что они не отрываются от народа и что они выражают его интересы. Уже стало непреложным правилом сопровождать репортажи показом людей на улице, их высказываниями по тому или иному вопросу, как будто мнение случайного прохожего способно отражать мнение народа или прояснить ситуацию. Часто такие прохожие высказывают совершенно банальные и даже глупые суждения; однако репортер выслушивает все это благо-склонно, без всяких комментариев, оставляя менее образованных

слушателей в неведении относительно правильности сказанного. (Вспоминаю, как еще во времена Брежнева ведущий телевизионных новостей компании Эй-би-си Питер Дженнингс переключился на американского корреспондента в Москве, который интервьюировал людей на улице, и сказал: «А теперь послушаем, что думают об этом советские люди...» Меня это просто ошарашило. Опытный журналист должен был бы понимать, что советские люди в то время не могли позволить себе говорить то, что они думали, особенно перед телевизионной камерой. Весьма сомнительно, что американский зритель обратил на это внимание.) Карл Беккер писал в своей книге «Современная демократия» (с. 384): «Главные орудия пропаганды — пресса и телевидение — практически недоступны среднему гражданину для изложения своих взглядов. Они могут эффективно использоваться лишь правительством, политическими партиями и их вождями, крупными общественными организациями, богатыми людьми, коммерческими корпорациями и авторами книг, публикация которых выгодна издательствам».

Журналисты и репортеры придумали своего собственного идола под названием «тема». Поиск пикантной и броской темы стал самоцелью, оправдывающей любые средства и ставящейся выше всего остального, включая этику.

Независимость и свободу журналистов можно сравнить со свободой волка в зоопарке, который может свободно бегать внутри огражденного загона. Они могут «смело» критиковать отдельные недостатки системы, но никогда не выходят за «ограждение», то есть никогда не критикуют систему в целом. Большинство из них или неспособны, или не хотят докапываться до корней таких сложных проблем, как преступность, насилие, СПИД, загрязнение среды и т. д. Средства массовой информации могут объяснять эти проблемы распадом семьи, влиянием улицы, низким уровнем образования, бедностью, безработицей... На этом их критика обычно заканчивается или потому, что им не хватает проницательности, или потому, что соображения личной выгоды начинают довлеть над их принципами и нравственной позицией.

Возьмем, например, телевидение. Разве можно ожидать от журналиста или ведущего телевизионного шоу серьезной критики этой могущественной структуры? Ведь это означало бы кусать руку, которая тебя кормит. Даже пресса становится менее задиристой, когда имеет дело с «большим братом». Лет 15 назад я услышал по радио сообщение о том, что скоро должна появиться книга «Век телевидения», в которой автор «бичует телевидение». Позже я старался разыскать эту книгу: продавцы книжных магазинов никогда о ней не слышали. Интересно, что могло помешать выходу в свет этой книги?

Западные журналисты традиционно уклоняются от оценки тех событий, о которых они сообщают. Распространено мнение, что профессиональный долг журналиста оперативно сообщать о событиях, излагать только факты и говорить правду, тем самым давая публике возможность составить собственное мнение. К сожалению, подавляющее большинство людей не способны воспринимать факты оптом и самостоятельно их осмысливать. Работники средств массовой информации обычно имеют более высокий уровень образования, чем простой народ, который нуждается в разъяснениях. Без аналитических комментариев одни лишь голые факты превращаются для читателей и зрителей в бесполезное, а порой и вредное чтение или зрелище. К тому же, сообщаемая информация вовсе не обязательно и не всегда бывает объективной. Например, летом 1993 года в западной прессе появились сообщения о том, что для Александра Солженицына строится дом в одном из подмосковных пригородов, заселенном, в основном, сотрудниками КГБ. Никаких комментариев, только голый факт, маленькая пикантная «история». Для тех, кто не знаком с принципами Солженицына (то есть для большинства западных жителей), это сообщение игриво намекало на то, что он собирается каждый день являться с членами этой пресловутой организации, в то время, как, по всей вероятности, его семья выбрала это место только потому, что оно живописное. Даже люди с широким кругозором не всегда способны обнаружить такого рода подтасовку. Они тоже нуждаются в ознакомлении с различными точками зрения и аналитическими толкованиями, чтобы составить свое собственное мнение.

Один из способов манипулирования общественным мнением, к которому прибегает пресса и телевидение, тенденциозный подбор информации: они раздувают и приукрашивают те факты, которые отвечают их интересам, и затушевывают то, что им невыгодно. Они делают это под тем предлогом (частично оправданным), что материалы должны быть обработаны для придания им сжатой и более привлекательной формы.

Мы не должны принимать на веру все то, что публикуют средства массовой информации, потому что они не только сообщают новости, но также искажают и даже фабрикуют их. Происходит подмена действительного искусственным. Средства массовой информации точнее было бы называть «средствами массовой манипуляции».

Телевидение

Хотя телевидение относительно новое информационное средство, оно стало самым популярным и мощным орудием пропаганды. Оно такой же продукт технологии, как компьютеры, ядерные станции и

Erich Fromm

орбитальные спутники. Технология бездушна, этически нейтральна; она лишь инструмент в руках человека. Само по себе телевидение не представляет нравственной проблемы. Все дело в том, кто, как и для чего его использует. В руках крупных корпораций, таких как Эй-би-си, Эн-би-си и Си-би-эс, основной целью которых является извлечение максимальной прибыли, а не просвещение и гуманистическое воспитание масс, телевизионная технология становится инструментом, который разрушает нравственные ценности и лишает человека способности мыслить рационально, критически, логически и аналитически.

Телевидение воздействует на основные органы чувств человека — зрение и слух; информация, которую оно несет, проникает в наш мозг беспрепятственно, не требуя, в отличие от чтения, работы мысли и воображения. До появления телевидения читатель полагался на свою способность формировать образы, он делал это сам; теперь же телезрителя начинают готовыми фабрикатами искаженной реальности.

Мы еще полностью не осознаем всех тех последствий, которые оно может иметь для общества в целом и молодого поколения в частности. Однако уже сейчас мы начинаем видеть его некоторые тенденции. Сегодняшние дети читают гораздо меньше, а то что они читают, часто лишено содержания и смысла. Дети, которые много смотрят телевизор, могут испытывать затруднения в реальной повседневной жизни, поскольку значительную часть времени они проводят, наблюдая нереальный мир. Телевидение притупляет нашу способность думать критически; более того, оно требует, чтобы мы не думали вовсе. Нет никакого сомнения в том, что телевидение меняет нас; вопрос лишь в том, в какую сторону и до какой степени. Однако уже сейчас кое-что ясно. Такие способности и формы деятельности, как чтение, воображение и анализ, постепенно атрофируются. Смотри телевизор, мы расслабляемся физически и умственно: телевидение рассчитано на то, чтобы развлекать, а не стимулировать тягу к знаниям. Оно редко транслирует дебаты и дискуссии, потому что это не то, что хотят видеть массы. Нил Поустман в своей книге «Развлекайся до умопомрачения» писал (с. 152): «Серьезные исследования показывают, что телевидение не способствует значительному приобретению знаний; в отличие от печатного слова оно не культивирует качественное дедуктивное мышление».

Часто, обсуждая проблему насилия и сексуальной распущенности на телеэкране, большинство людей, включая политиков, интеллектуалов и журналистов, прибегают к такому аргументу: «Не нравится, не смотри!». Эти люди отказываются понимать, что речь идет не о ценностях и вкусах взрослых, а о защите детей от разлагающего влияния таких программ.

Раньше нравственное воспитание детей основывалось на вере в

Бога и семейных традициях. У них не было возможности постоянно наблюдать на экране сцены жестокости и насилия. Сегодня даже мультфильмы, которые смотрят миллионы детей, все больше и больше начинаются сценами насилия. Ребенок, оставшись наедине с телевизором, получает уроки насилия, употребления алкоголя и наркотиков, сексуальной распущенности и других форм преступного и безнравственного поведения, которые по силе воздействия можно сравнить с длительным пребыванием в тюремной камере вместе с уголовниками-рецидивистами.

Все больше и больше родителей начинают осознавать серьезность этих проблем и необходимость более строгого контроля над телевидением. Причина этих проблем, зародившихся на Западе и теперь распространяющихся на Восток, в том, что телевидение находится в руках частного бизнеса. Это привело к таким несуразностям, что даже демократически избранная администрация не располагает собственным телеканалом; даже президенты и премьер-министры вынуждены обращаться к частным телевизионным корпорациям с просьбой предоставить им возможность выступить перед народом и изложить свою точку зрения. Беда не в том, что государство контролирует телевидение, а в том, что государственный аппарат пропитан пороками.

Коснемся теперь проблемы свободы выбора телевизионных программ. Появляется все больше и больше новых телевизионных каналов, по которым на зрителей обрушиваются потоки одинаково пустых и вульгарных передач. Их теперь на Западе уже не десятки, а сотни. Коммерческая уловка состоит в том, что телезрителям предлагаются объемистые наборы каналов. Всегда по некоторым из них демонстрируются программы, которые детям было бы лучше не смотреть. Получается то, что в России называли «продажей с нагрузкой»: бери весь набор или ничего. Зритель вынужден платить и за то, что ему не нужно. Выходом из такого положения могла бы стать «поштучная продажа» каналов. Пусть зритель будет волен «подписаться» только на те из них, которые он предпочитает. Кроме того, это позволило бы родителям, озабоченным воспитанием своих детей, более эффективно контролировать содержание и качество программ в своем доме.

Другая коммерческая уловка заключается в том, что создается видимость дешевизны телевидения. Зрителям внушается, что львиную долю расходов на телевидение берут на себя те фирмы и корпорации, которые платят за рекламу. Это как бы оправдывает наличие на экране многочисленных рекламных вставок. Но мало кто отдает себе отчет в том, что по действующим на Западе законам расходы на рекламу не облагаются налогом, и в конечном итоге, оплачиваются рядовыми гражданами, потому что такая практика приводит к росту налогов и цен на потребительские товары.

Демагогия, лицемерие, позерство

Не обладая этими качествами, ни один политик и ни одна знаменитость не сможет пользоваться успехом у публики длительное время. Большинство представителей элиты самозабвенно практикуют искусство позерства; в сфере политики и развлечений это действенное средство выбраться наверх.

Доверчивая публика легко принимает лицемерие и демагогию за одухотворенность и преданность идее. Элитарный слой, существование которого зависит от публики, симулирует симпатию к ней. Вот почему политики и знаменитости так много улыбаются. Как заметил Эрих Фромм («Иметь или быть?», с. 268): «Приветливость, веселость и все прочее, что принято выражать улыбкой, становятся автоматической реакцией, которую можно включить и выключить, словно лампочку». Один из известных канадских журналистов как-то посетовал, что бывший премьер-министр Пьер Трюдо «какой-то несимпатичный», потому что он редко улыбался. По той же причине его часто обвиняли в высокомерии. Неужели для того, чтобы публика была убеждена, что она выбрала достойного вождя, тот должен постоянно носить на своей физиономии неестественную улыбку? Разве мы не должны судить о лидере по его способностям здраво мыслить и принимать эффективные решения? Все сказанное вовсе не означает, что Трюдо был образцовым главой государства; к тому же я не знаю ни одного крупного политика, который не был бы лицемером и демагогом. Без этих качеств не было бы и политики.

Правительства, которые, как мы знаем, состоят из политиков, так же регулярно прибегают к демагогии, лицемерию и обману. Достаточно вспомнить «Уотергейт», «Ирангейт» и другие политические скандалы. Или, например, когда правительство посылает войска в другие страны якобы для защиты демократии и свободы, истинными мотивами, как правило, выступают личные или национальные интересы. Соблазняясь скорыми экономическими выгодами, многие правительства разрешают и даже поощряют продажу оружия потенциальным агрессорам без учета возможных серьезных последствий. Все это делается, конечно, «во имя свободы и демократии». «Мы строим сиротские дома в отсталых странах и одновременно создаем арсеналы бомб, чтобы бомбить эти дома», — писал Хаксли («Собрание очерков», с. 229) задолго до того, как Ирак атаковал Кувейт, а в Югославии разразилась гражданская война. В политике, как и в других сферах общественной жизни, существует двойной стандарт.

Умение производить внешний эффект в современном обществе — популярное и выгодное качество. Привлекательная внешность и при-

ятные манеры стали обязательным приемом для тех, кто хочет преуспеть в любом деле. Как писал Нил Поустмэн в своей книге «Развлекающаяся до умопомрачения» (с. 98), «священникам и президентам, хирургам и адвокатам, работникам системы просвещения и средств массовой информации приходится больше беспокоиться о внешнем эффекте, чем о том, к чему обязывает их профессия».

Публика, в свою очередь, стремится имитировать манеры и внешность своих кумиров. (Несколько лет назад в Америке вновь стали популярны ковбойские шляпы. Когда телевизионный репортер спросил одну парочку в баре, почему молодой человек носит такую шляпу, его подруга ответила: «Мне нравится. Он выглядит в ней, как Гарри Купер».) Что еще хуже, толпа принимает обаяние своих кумиров как естественное, так и искусственное, за проявление положительных человеческих качеств. Идолы автоматически становятся хорошими людьми. Даже мудрыми. Даже нравственными. Публика прощает им все грехи и недостатки. Более того, разоблачительные материалы скандальной хроники о безобразных выходках знаменитостей только разжигают интерес части публики к своим идолам. Другая, более наивная часть публики, «жестоко» разочаровывается в своих кумирах.

Язык и символика

Язык человека уникальное явление, поставившее его на более высокую ступень эволюции по сравнению с остальным животным миром. Это одно из величайших приобретений человека, стимулировавшее расцвет искусства и науки. Язык в то же время является одним из источников наиболее серьезных социальных проблем, ибо мы научились искажать язык и злоупотреблять им, превратив его из инструмента взаимопонимания и сотрудничества в средство обмана, манипулирования и обольщения себе подобных.

Сегодня мы придаем большее значение звучанию и форме слов и выражений, чем их смыслу. Это происходит потому, что, «воспитанные» средствами массовой информации массы подсознательно воспринимают язык как форму искусства, а не как проводник разума и логики. Теперь получается, что форма это и есть содержание. Лозунги и крылатые выражения так же зачаровывают людей, как и искусство. Индустрия развлечений и политики хорошо знают силу слова и эффективно используют его для достижения своих целей.

Мало кому приходит в голову, что «великие» высказывания при вдумчивом рассмотрении не всегда оказываются точными. Возьмем, например, популярный афоризм лорда Актона «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно», который, похоже, воспринимается всеми как абсолютная и вечная истина. Если же хорошенько

подумать над этим высказыванием, то получается, что любой человек, честный или нечестный, оказавшись у власти, будет ею развращен. Однако можно ли считать честным человека, подверженного коррупции? Если нет, то мы вынуждены принять один из двух выводов: или честных людей вообще не существует, или истинно честный человек не может быть коррумпирован. Но, можно возразить, коррупция случается сплошь и рядом. Да, это так, но коррупция существует не потому, что власть развращает, а потому, что те, кто приходит к власти, уже развращены и, когда появляется соблазн, не могут противостоять ему.

На Западе расширение словарного запаса происходит, главным образом, за счет развития науки и техники. В то же время немало новых слов и выражений появляется в результате бездумного злоупотребления языком, неодолимого желания произвести эффект и постоянной потребности испытывать состояние возбуждения. Все это делает язык более неряшливым и двусмысленным. Сегодня в русском языке в связи с резким изменением политической ситуации появилось множество новых словечек, многие из которых заимствованы из английского сленга. Особенно популярны они у молодежи, для которой Запад стал образцом для подражания. Разносчиком всего этого словесного мусора стало новое для России явление реклама, которая с помощью средств массовой информации несет в массы изуродованные словосочетания. «Наши лингвистические проблемы, — писал Хаксли (там же, с. 325), — и без того достаточно серьезны, даже если пользоваться языком правильно, согласно законам логики и требованиям здравого смысла. Однако, часто в жизни мы пользуемся языком неправильно, игнорируя правила. Результатом является нереалистическое мышление, эмоциональная распушенность и искаженное мировосприятие, ведущие к разного рода неподобающим действиям от просто эксцентричных до совершенно дьявольских, от безвредного Микоберизма (мистер Микобер, неисправимый фантазер и прожектер, один из героев романа Чарльза Диккенса «Давид Копперфильд». Примечание автора) до таких коллективных форм безумия, как гитлеризм, охота на еретиков и религиозные войны».

В современном обществе, где профессия продавца с хорошо подвешенным языком стала респектабельной и прибыльной, речевые навыки рассматриваются как ценное приобретение, гораздо более ценное, чем умение думать. Часто способного говоруна, особенно, если он может удерживать в памяти груды фактов и ловко жонглировать ими, принимают за умного, проницательного и здравомыслящего человека, хотя извергаемый им постоянный поток слов, лишенный идей и глубокого смысла, есть не что иное, как словесное недержание. Нил Поустмэн (с. 16) пришел к заключению, что «...содержание

наших публичных выступлений стало опасным вздором».

На Западе даже те редкие дебаты и дискуссии на серьезные темы, которым удается пробиться на телевидение, обычно сводятся к упражнению в красноречии, риторике и остроумии, привлекающим и развлекающим публику. Они никогда не выясняют коренных причин проблем, а поэтому и неспособны привести к каким-либо практическим решениям.

Язык отражает взгляды и образ мышления, преобладающие в данном обществе. На Западе, где экономика ориентирована на свободные рыночные отношения и где существует нездоровое увлечение материальными ценностями, люди часто употребляют в своей обыденной речи слова и выражения, имеющие отношение к деньгам, купле и продаже. Например, обозреватель американской телестанции Эй-би-си Сэм Доналдсон, высказывая свое мнение о каком-либо новом государственном проекте, выражается так: «Президенту сначала необходимо продать его публике и конгрессу». Или такой пример. Однажды, когда я поделился с одним из членов ассоциации гуманистов своими идеями, он спросил: «А как вы продадите все это людям?», — имея в виду, смогу ли я их убедить. Помимо одного универсального слова «продать» ведь существует много других, которые отражают различные смысловые оттенки, например, «предложить», «объяснить», «убедить» и т. д. Постоянное употребление модных упрощенных словечек и выражений обедняет не только язык, но и наше мышление. Я считаю, что нам пора учиться «давать», а не «продавать».

Не могу обойти стороной еще одно явление в языке — мат. В этом отношении русский, наверно, превзошел все другие языки. В России мат возведен почти в ранг искусства, так что нам есть чем гордиться. До прихода «демократии», официально мат считался нецензурным, непечатным жанром, находясь, так сказать, на нелегальном положении, что, однако, не ограничивало его свободы. Он всегда был органической частью лексикона русского человека: им пользуется и простой деревенский мужичок, и заводской рабочий, и все слои русской интеллигенции (инженеры, врачи, учителя, работники искусства), и государственные служащие, и даже правительственная верхушка. Когда незнакомый человек в разговоре с вами переходит на мат, считайте, что вы завоевали его расположение и доверие.

Читатель, наверно, уже почувствовал по моему тону, что я отношусь к мату не очень благосклонно и даже осуждаю его. Читатель прав. Но делаю я это не просто из какой-то шепетильности или по причине оторванности от реальной жизни (я рос и «воспитывался» в одном из густонаселенных московских дворов), а потому, что понял: мат есть выражение не только нашей животности и даже скотства, но также лицемерия, безнравственности и конформизма. Многие могут

возмутиться: хорошо, животность, мол, это еще понятно, но причем тут лицемерие, нравственность и тем более конформизм? Отвечая на этот вопрос, я хочу сначала оговориться, что имею в виду не тех, кто «честно» признает свою животность или скотство. Я говорю о тех, кто претендует на чистоту и возвышенность чувств, на интеллектуальность и духовность, на проникнутость идеями, идеалами, принципами или верой в Бога. Например, актер, писатель, критик может разглагольствовать перед публикой о взлетах души, глубине чувств и прочих высоких материях, а в кругу своих друзей и знакомых со смаком рассказывать сальные анекдоты на туалетно-половые темы. Что касается миллионов верующих матершинников, в особенности тех, кто «обрел» веру в перестроечные годы, то они, по-видимому, считают, что Бог или не понимает мата, или сам не прочь послушать его.

Ну, а теперь о конформизме. Поскольку мат стал признаком хорошего тона и даже шиком, то люди стремятся приобщиться к нему, потому что боятся отстать от времени и модного веяния. Парадокс конформизма в том, что человек, сознательно стремящийся выглядеть оригинальным и интересным, в действительности подсознательно стремится делать то, что делают все.

Мы также чрезмерно увлекаемся символами, которым мы придаем слишком большое значение. Под символами я понимаю такие слова, выражения, изображения, образы и даже личности, которые становятся ярлыком, обозначающим какое-либо общественное явление. Мы часто говорим готовыми фразами, не пытаясь убедиться в том, отражают ли они истинную реальность или нет. Символами уместно пользоваться в тех случаях, когда они способствуют проявлению в человеке добродетельных качеств и искренних положительных эмоций. Но очень часто символы производят противоположный эффект. Некоторые из них, такие как национальный флаг, могут послужить импульсом к иррациональным эмоциям и действиям. Например, публичное сжигание национального флага вызывает у многих граждан возмущение и раздражение. Они не отдают себе отчета в том, что сжигание флага — это такое же глупое символическое действие, как и его обожание. Взрослых и даже детей иногда превращают в символы, которые служат целям политической пропаганды. Так случилось и с маленькой Самантой, написавшей Горбачеву умиленное письмо, в котором она выразила (разумеется, не без помощи взрослых) свое неосознанное стремление к миру на всей планете. Горбачев смекнул, что сможет извлечь из этого определенную политическую выгоду для себя (все-таки дети, мир, пресса!) и принял юного посланца мира в Кремле; Саманта мгновенно превратилась для американцев в национальную икону. Такими приемами политики пользуются для

того, чтобы завоевывать расположение масс и тем самым консолидировать свою власть.

Помню, как однажды в Оттаве, 1 июля, я наблюдал торжественное празднование Дня Канады. Некоторые люди шли, словно в трансе, с остекленевшими глазами, время от времени выкрикивая: «С Днем рождения, Канада!» Они поздравляли не друг друга, а какое-то абстрактное существо, которое они обожали (по-видимому, «Единую Канаду»), так же, как многие советские люди идее будущего коммунистической нации», а многие давно усопшему вождю Ленину (стихотворные строки Маяковского «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» превратились в лозунг). Как писал в одном из своих очерков Олдос Хаксли («Собрание очерков», с. 253), «Постоянно говоря о нации, как о личности со своими мыслями, чувствами и волей, государственные лидеры тем самым узаконивают свою власть. Персонификация легко ведет к обожествлению; когда нация обожествляется, ее правительство перестает быть простой необходимостью, подобно канализации или телефонной сети, и приобщается к святости той сущности, которую оно представляет, присваивая себе божественное право требовать от народа беспрекословного повиновения и поклонения».

Все это примеры того, как язык и символы могут исказить наше представление о реальности. «Физическая реальность, — писал Эрнст Кассирер (с. 40), — отступает по мере того, как возрастает потребность человека пользоваться символами. Вместо того, чтобы иметь дело с конкретными вещами, человек в каком-то смысле ведет постоянный диалог с самим собой. Он до такой степени окутал себя лингвистическими формами, художественными образами, мифическими символами и религиозными ритуалами, что может видеть и познавать только через подобные искусственные средства».

Следует помнить, что язык, в первую очередь, средство коммуникации, которое мы можем и должны использовать для того, чтобы становиться более гуманными, духовными и разумными. Язык не должен быть самоцелью и фетишем.

Манипулирование общественным мнением

Манипулирование общественным мнением или, как говорят на Западе, «промывание мозгов» стало повседневным явлением там, где преобладают стяжательство, потребительство и безнравственность. В мире, где человек преуспевает за счет других, рекламный бизнес, политики и средства массовой информации часто прибегают к этому средству в корыстных целях, ради власти и денег. Как писал Эрих Фромм в книге «Революция надежды» (с. 26), «Нам может казаться,

что мы движемся по пути к большему индивидуализму; в действительности же мы становимся цивилизацией управляемых масс».

Щедрые обещания, которые дают политики во время избирательных кампаний с единственной целью завоевать симпатии публики; демонстрация полураздетых красоток в телевизионной рекламе для того, чтобы заставить публику покупать товар, в котором она не нуждается; якобы опробованные семинары, на которых людей обучают быстро делать деньги, — вот некоторые из методов, которые используются для манипулирования массами. То, что выдается за стандарт и становится стандартом. Именно индустрия развлечений диктует, какие картины, книги и фильмы, как бы посредственны они ни были, следует считать истинным искусством. Люди, не знакомые с образцами высокого искусства и не способные составить собственного мнения, охотно проглатывают готовые оценки, верят, что общаются к истинным достижениям творчества, и требуют больше такого «искусства». Таким образом, манипулируемое сознание становится зависимым сознанием.

В процессе манипулирования сознанием масс искажаются и разрушаются истинные ценности. Такие положительные качества, как скромность, доброта, самоконтроль и достоинство постепенно утрачиваются и заменяются такими чертами, как хвастовство, агрессивность, эгоизм и угодничество. Эти черты принимаются в качестве нормы, приобретают положительную окраску и передаются последующим поколениям. Как заметил Олдос Хаксли в книге «Лукавый Пилат» (с. 276), «Такая фальсификация духовных и нравственных стандартов в современном мире продукт демократии, и дальше всего этот процесс зашел в Америке». «Глупость, внушаемость и потребительство рассматриваются как высшие человеческие ценности. Ум, независимость и бескорыстие, которыми люди когда-то восхищались, становятся злом, подлежащим искоренению», — продолжает Хаксли (там же, с. 280).

Какими же способами осуществляется манипулирование сознанием людей и к каким последствиям оно приводит? Обладая большим опытом практики в качестве врача-психоаналитика, Эрих Фромм пришел к такому заключению («Иметь или быть?», с. 173):

«Гипнотические методы, используемые в рекламе и политической пропаганде, представляют серьезную опасность для умственного здоровья людей, в особенности, для ясности критического мышления и эмоциональной независимости. Я не удивлюсь, если серьезные исследования подтвердят, что наносимый наркоманией вред не так велик, как вред, причиняемый методами промывания мозгов, от подсознательного внушения до полугипнотических приемов вроде бесконечного повторения или подавления

рационального мышления путем переключения внимания на откровенную похоть... Бомбардировка сознания рекламными клипами оказывает отупляющее воздействие на публику. Эта атака на разум преследует индивидуума повсеместно и ежедневно: когда он подолгу смотрит телевизор, или слушает радио в автомобиле, или принимает участие в избирательных кампаниях и т. д. Последствие такого внушения общая атмосфера полусна, смесь веры и неверия, потеря чувства реальности... Промывание мозгов опасно не только тем, что принуждает нас покупать вещи, в которых мы не нуждаемся, но также заставляет нас выбирать политических лидеров, которых мы никогда бы не выбрали, если бы полностью контролировали свое сознание. Но мы не хозяева своего сознания. Чтобы противостоять этой возрастающей опасности, мы должны запретить применение всех гипнотических форм пропаганды как в коммерции, так и в политике».

Реклама

Реклама одно из наиболее отвратительных современных ремесел, демонстрирующих всю глубину человеческой глупости, вульгарности и отсутствия достоинства. Она может быть оправдана в тех случаях, когда информирует потребителя о наличии различных товаров и услуг. Однако, вместо того, чтобы приносить пользу обществу, она превратилась на Западе в чудовищного паразита, питающегося его соками. При попустительстве средств массовой информации, политиков и государственных бюрократов огромные средства расходуются на изготовление экстравагантных идиотских клипов, большинство из которых не имеют ничего общего с реальным назначением и качеством рекламируемого продукта. Основная цель рекламы — манипулирование потребностями и вкусами публики, чтобы заставить ее покупать больше товаров. Частные компании и правительственные организации платят огромные деньги из своих бюджетов дельцам рекламы и знаменитостям (включая политиков высокого ранга, оперных певцов и целые симфонические оркестры), добровольно торгующим остатками своего достоинства, профанируя искусство, которое они представляют. Многие люди не сознают, что огромные суммы, выбрасываемые на рекламу, списываются компаниями как производственные расходы, т.е. не облагаются подоходным налогом, а как известно, государственный бюджет существует в основном за счет налогов. Так например, только за один 1993 год американская телефонная компания Эй-ти-анд-ти израсходовала на рекламу 511 миллионов долларов.

ERICH FROMM

Сознание потребителя обрабатывается таким образом, чтобы он принимал рекламу как норму, как необходимость, как неотъемлемый атрибут повседневной жизни. Он и не подозревает о том коварном разлагающем воздействии, которое реклама оказывает на его ментальность. Как деликатно выразился Нил Поустмэн (с. 126), «...американец, достигший сорокалетнего возраста, уже пересмотрел за свою жизнь около миллиона телевизионных реклам, и к тому времени, когда он получит свой первый пенсионный чек, он просмотрит еще один миллион. Поэтому мы можем смело предположить, что телевизионная реклама оказывает глубокое воздействие на образ мышления американцев».

Особенно омерзительна безответственная и циничная эксплуатация детей всех возрастов рекламным бизнесом, который пользуется их естественной незрелостью и неестественной незрелостью и жадностью их родителей. Участие детей в рекламе вызывает чувство умиления и гордости у их родителей, которые, однако, не осознают, что одновременно это кладет начало нравственному развращению первых. Разжигая аппетиты детишек красочными рисунками и игрушками, рекламный бизнес коварно оказывает давление на родителей, не способных противостоять капризам избалованного потомства, вынуждая их раскошелиться. Один из примеров такой незгичной практики, нацеленной, главным образом, на детей — рекламная политика фирмы «Мак-Доналдс».

Психология

Современная психология, которую Эрих Фромм охарактеризовал как «высшее достижение искусства манипуляции», по сути представляет собой один из видов бизнеса. Обзаведясь разного рода дипломами, современные западные психологи, психоаналитики и психиатры превратили свою профессию в доходный бизнес. Подобно торговцам, многие из них прибегают к чисто коммерческим приемам и трюкам и всегда готовы испробовать их на вас, если вы согласны хорошо заплатить за это.

Поскольку психология имеет дело с отвлеченными понятиями, то публике трудно отличить серьезного психотерапевта от шарлатана. Часто люди, зачарованные манерами, титулами и псевдонаучной терминологией, смотрят на него, как на Бога. Подобные шарлатаны нередко выступают в телевизионных шоу, рекламируя свои «знания» и надуманные теории. Современные психотерапевты больше движимы любовью к деньгам и известности, чем заботой о пациентах.

Мне вспоминается такой случай. Однажды я обратился к врачу-кардиологу в одной из московских поликлиник. Как часто бывает, разговор перешел на смежные темы. Демонстрируя свою осведомленность, врач заметил: «А вы знаете, на Западе любой уважающий себя

человек имеет своего психиатра...» Теперь это довольно распространенная точка зрения, и меня удивляет ее парадоксальность: выходит, что уважение к себе, предполагающее ответственность за свои действия, самоконтроль и самоанализ, напротив, перекладывает эти функции на «специалиста»! На Западе, в одном из телевизионных шоу взбунтовавшийся против своей профессии психотерапевт высказал такой здравый взгляд: чтобы помочь человеку, который находится в состоянии стресса, обрести душевное равновесие, вовсе не обязательно обращаться к психотерапевту и платить ему большие деньги, а достаточно просто иметь друга, который готов терпеливо выслушать тебя. Собственно, к этому и сводится реальная роль психотерапевта.

Хотя некоторые психотерапевты могут облегчить состояние тех, кто не понимает, что с ним происходит, но они далеко не всегда стремятся помочь своим пациентам навсегда избавиться от внутреннего разлада и обрести душевное равновесие. Являясь продуктом современной общественной системы, они руководствуются теми же предрассудками, что и их пациенты. Их взгляды и теории построены на убеждении, что поведение человека определяется, в первую очередь, животными инстинктами, и именно из этого следует исходить при «лечении», поэтому они обращаются с пациентами, как с полуживотными или умственно отсталыми детьми.

В современном обществе психология ставит своей задачей формирование человеческого сознания в соответствии с требованиями системы. Вот почему Эрих Фромм («Революция надежды», с. 48) предупреждает, что «...необходимо различать психологию, которая стремится понять внутренний мир человека и нацелена на его душевное здоровье, и психологию, которая рассматривает человека как предмет и стремится сделать его полезным для технологического общества». К сожалению, психологи первой категории большая редкость; более распространены представители второй категории. «Сегодня психиатрия, психология и психоанализ, — продолжает Фромм («Разумное общество», с. 151, 152), — угрожают превратиться в орудие манипулирования человеком... Представители этих профессий превращаются в жрецов новой религии наслаждений, потребительства и эгоизма, в специалистов по промыванию мозгов, в инструмент отчуждения». В итоге, люди добровольно жертвуют своей свободой, низводя себя до уровня подопытных кроликов.

Культура, традиции и обычаи

Говоря о культуре, я имею в виду, в первую очередь, ее национальный аспект. В моем понимании, культура — это совокупность традиций, обычаев и ценностей (образ жизни), характеризующих

ERICH FROMM

конкретную общность людей, которых роднят их исторические корни, язык и территория.

В целом, наверно, культура не может быть плохой или хорошей. В то же время некоторые культуры могут отличаться более богатым содержанием. Страны с продолжительной историей накопили больше культурных ценностей, чем относительно молодые нации, например, такие как американцы или канадцы. Хотя мы согласились, что нельзя считать какую-либо конкретную культуру положительной или отрицательной, тем не менее некоторые аспекты или традиции можно оценить с этой точки зрения. Например, массовые человеческие жертвоприношения у древних ацтеков, с гуманистической точки зрения, безусловно, — отвратительный обычай.

Современная североамериканская культура создавалась в суровых условиях освоения нового континента, когда пионеры двигались от Атлантического побережья к Тихоокеанскому. Чтобы выжить, они были вынуждены полагаться на такие качества, как жестокость, агрессивность и предприимчивость. Эти черты закрепились в американской культуре, традиционно воспринимаются как положительные и во многом определяют лицо сегодняшней Америки. Не потому ли сегодня США занимают первое место в мире по числу насильственных преступлений?

То, что насилие стало составной частью американской культуры, ведет ее к интеллектуальной и нравственной деградации. Это представляет особую опасность в связи с тем, что американская культура оказывает сильное влияние на другие нации. Вот как охарактеризовал Олдос Хаксли американский кинематограф в дотелевизионную эпоху («Лукавый Пилат», с. 198-200):

«Мир, в который Голливуд заманивает народы других стран, глуп и преступен. Когда его обитатели не занимаются грабежами, убийствами, обманом и изнасилованиями, .. они сюсюкают над своими младенцами у родных очагов. Их идиотская респектабельность причиняет окружающим множество неприятностей... Когда они «делают деньги», они делают это наиболее бесчестным, бесполезным и неприемлемым для общества способом — спекуляцией. Политика, которой они занимаются, сводится к личным (обычно любовным) интригам. Их наука — набор засекреченных рецептов, как делать деньги, рецептов, которые часто крадут злодеи, не менее алчные, чем сам герой-ученый. Их религия сводится к рекламе кекеров, к штампованным образам седовласых священников, матерей «с большим сердцем», суровых пуританских отцов, читающих Библию, и молодых обманутых девиц, стоящих

на коленях перед крестом с незаконнорожденными младенцами на руках. Что касается их искусства, то оно обычно представлено молодыми людьми в халатах с большими бантами на шее, которые рисуют... женские портреты, достойные публикации на обложках популярных журналов. А их литература — это набор напыщенных заголовков. Таков «мир белого человека», изображаемый кинематографом, мир мошенников и недоумков, проходимцев и дебилов. Грубый, незрелый, инфантильный мир. Мир, лишенный тонкости чувств и игры ума, не подозревающий о существовании подлинного искусства, литературы, философии и науки. Мир, в котором много автомобилей, телефонов и револьверов, но в котором нет и тени того, что можно назвать современной мыслью. Мир, в котором мужчины и женщины обладают инстинктами, желаниями и эмоциями, но не умом... Для Востока, Африки и Латинской Америки Голливуд изображает нас как нацию преступников и умственно отсталых... Белые люди жалуются, что отношение к ним со стороны цветных рас не такое уважительное, как было раньше. Следует ли этому удивляться?»

Изменилось ли что-либо с тех пор? Да, конечно. Лидером в сфере развлечений стало телевидение, которое еще более изобретательно и неразборчиво в средствах, а поэтому более могущественно, чем кинематограф. Одни только телевизионные сериалы, или так называемые «мыльные оперы», зачарованно смотрят миллионы зрителей во всем мире. Все опробованные атрибуты зрелищного бизнеса здесь значительно «усовершенствованы»: больше насилия, секса, обмана, идиотизма, нацеленных на зрителя, в том числе, и на детей. Как заметил Нил Поустман (с. 155), «...когда внимание населения сосредоточено на пустяках, когда культурная жизнь сводится к карусели развлечений, когда серьезный общественный диалог подменяется детским лепетом, короче говоря, когда народ превращается в аудиторию, а общественная деятельность в водевиль, тогда нация оказывается перед лицом опасности: гибель культуры становится реальной возможностью».

Политики, лидеры и активисты различных общественных групп внушают публике, что культурные традиции священны и неприкосновенны. Однако, как мы уже отметили, не все аспекты культуры обязательно положительны и соответствуют требованиям времени. Вот почему их необходимо пересмотреть и решить, какие традиции стоит сохранить, а от каких следует избавиться. Если какая-либо традиция просуществовала не одну тысячу лет, это вовсе не означает, что она должна быть

сохранена любой ценой и считаться священной. Есть традиции, которые в высшей степени жестоки (например, обрезание у женщин, приношение в жертву животных и т.п.) или дискриминационны (например, традиция, требующая от женщин в некоторых мусульманских странах полностью закрывать лицо).

Иммигрантам следует сознавать, что некоторые из их обычаев входят в конфликт с образом жизни их новой родины. Открыто гордясь своей культурой и щеголяя своими традициями и обычаями, некоторые иммигранты не понимают, что тем самым они могут вызвать негативную реакцию со стороны местного населения. Это неизбежно ведет к этническим и расовым трениям. Я считаю, что национальные традиции и культура должны ограничиваться рамками этнической общины и семейного очага. Импортные традиции и обычаи следует рассматривать и практиковать не как образ жизни, а как форму искусства. Мы можем знакомить людей других национальностей с нашей культурой и ее богатством через театр, музыку, живопись, литературу... Пора нам избавиться от племенных инстинктов и выпячивать наши культурные различия. Таким путем мы скорее сможем построить общество равноправных граждан, независимо от их этнической принадлежности и культурного наследия.

В Канаде, например, существует Министерство гражданства и мультикультурализма, которое призывает канадцев «праздновать различия». Возникает вопрос: для чего? Ведь именно различия разъединяют людей и порождают дисгармонию в обществе. В реальной жизни этнические различия скорее создают проблемы, чем способствуют их решению. Оставайся таким, какой ты есть, если хочешь и можешь, но не кичись своей самобытностью и не навязывай своей культуры другим людям.

Пора нам начать серьезную переоценку наших традиций и обычаев. Мне видится лишь один путь к решению человеческих проблем — объединиться в общепланетарную «нацию», стремящуюся сохранить только те традиции, которые возвышают и облагораживают человека и способствуют его дальнейшей гуманизации.

Индустрия развлечений

Конечно, человек в той или иной мере нуждается в развлечениях. Сегодня, однако, роль развлечений до такой степени раздута, что они стали влиятельной силой и даже одним из определяющих факторов в жизни западного общества. Почему так произошло? Ответ очевиден: развлечения оказались выгодным товаром. Именно поэтому они ориентированы не на просвещение и образование, а на пассивное восприятие пережеванной информации и достижение разного рода приятных эффектов, за которые публика охотно платит деньги. Высокое каче-

ство телевизионных и радиопрограмм просто не обеспечивает достаточно высокой прибыли.

«Потребителя заставляют покупать развлечения также, как он покупает одежду и обувь. Ценность развлечения определяется успехом на рынке, а не тем, что можно измерить в человеческих ценностях», — писал Эрих Фромм («Разумное общество», с. 124). Публике поставляются низкокачественные развлечения, которые выдаются за высокую культуру. В свою очередь, непросвещенная публика, удовлетворенная тем суррогатом, который ей навязывается, привыкает к нему и уже не может без него обойтись. Таким образом, возникает порочный круг. Человек «...хочет видеть и слышать то, — продолжает Фромм, — что он приучен видеть и слышать». Все это ведет к отупению интеллекта, утрате воображения и искажению мировосприятия.

На бесполезные игры и шоу растрачиваются огромные средства и ресурсы. Что еще важнее, новая «религия развлечений», уводя человека в мир иллюзий и фантазий, отвлекает его от важных насущных проблем, довлеющих над нашим растерянным обществом.

Искусство и литература

За некоторыми исключениями, искусство всегда было формой ухода от действительности, даже когда оно пыталось имитировать или изображать реальную жизнь. Современный кинематограф и литература, претендуя на то, что они отражают реальность и истину, взамен предлагают зрителю и читателю псевдореальность и псевдоистину. Даже самые жестокие сцены насилия, описываются в книгах и показываются на экране для того, чтобы развлекать публику, а не помогать ей решать социальные проблемы. Многие писатели, художники и музыканты имеют такое же туманное представление о реальности, как и публика, которую они «просвещают». Они сосредоточились на своем «драгоценном» внутреннем мире, на удовлетворении своих амбиций, стремясь стать предметом обожания публики, и бегут от ответственности в тот же мир фантазий, не отказываясь, однако, от чисто земных выгод денег и роскоши.

Уже давно искусство превратилось в товар, который продается и покупается, в бизнес, где «любители искусства» зарабатывают на жизнь, спекулируя предметами искусства. Эти, так называемые знатоки, создали огромный рынок, где цены на произведения художников, скульпторов, музыкантов вздуваются до невероятных размеров. Но существует ли абсолютная денежная стоимость, органически присущая какому-либо произведению искусства? Если да, то, например, картины Ван Гога должны были бы сразу стать шедеврами, а не объектом насмешек. Теперь же их цена по карману лишь миллионе-

рам. К сожалению, действительность такова, что произведение искусства должно пройти сначала через руки бизнеса, прежде чем ему будет назначена цена.

Определения, которые дают искусству солидные словари, как правило, туманны и неполны, потому что трактуют искусство как безоговорочно положительное явление, как добродетель, даже как проявление божественного начала. Я бы определил искусство простым языком как результат работы воображения, на которую способны лишь немногие. То, что делает большинство из нас, не может считаться искусством.

Некоторые говорят: «искусство есть искусство», и поэтому, мол, сам факт творчества не подлежит критике. Это было бы так, если бы искусство было объективным явлением и существовало независимо от восприятия человека. (Например, красота, которую мы наблюдаем в природе, не есть искусство.) Поскольку люди творчества сами далеки от совершенства, то и искусство, которое они создают, страдает недостатками и даже пороками. Другими словами, я бы сказал, что есть искусство хорошее и плохое. Хотя искусство понятие относительное в смысле его воздействия на наши чувства и взгляды, тем не менее, мы должны различать положительное и отрицательное искусство с точки зрения его социального воздействия. Это различие можно измерить степенью воздействия какого-либо вида искусства на индивидуума. Если оно возвышает и очеловечивает индивидуума, оно может рассматриваться как положительное. И наоборот, если оно толкает человека вспять, в мир животных инстинктов, делая его более агрессивным, воинственным и умственно ограниченным, то это, безусловно, отрицательное искусство. Возьмем, к примеру, рок-музыку. Некоторые любители классической музыки вообще не признают рок за искусство. Однако в роке есть немало красивых мелодий и хороших песен, которые вызывают у человека чувства, ассоциирующиеся с добротой, мягкостью, романтической любовью, состраданием и т. д. С другой стороны, чрезмерно громкая агрессивная музыка и откровенно неприличные песни, относящиеся к жанру «хэви-металл» и «рэп» (это тоже искусство, поскольку оно требует сложной техники исполнения и музыкальных способностей), могут вызвать лишь негативные образы и разрушительные страсти, порой превращающие человека в дикаря.

Многие представители искусства эксплуатируют свой талант для того, чтобы создавать произведения, смакующие неприглядные стороны человеческой природы, порой щедро пересыпая свои писания нецензурными выражениями и словечками. Эту свою тягу к извращенности они оправдывают расхожей фразой «такова действительность». Как будто мы видим недостаточно грязи в нашей повседневной жизни, как будто мы слышим мало грубой брани вокруг себя, как

будто нам мало известно о бесчисленных человеческих страданиях как в своей стране, так и во всем мире. И, что еще важнее, как будто существующая реальность — это нечто навечно утвержденное и не подлежащее изменениям.

Некоторые люди наивно полагают, что искусство способно разрешить человеческие проблемы. Это, разумеется, заблуждение. Во-первых, занятие искусством само по себе требует много времени, которого просто не остается для глубоких размышлений над социальными проблемами. Во-вторых, люди искусства не отличаются особо ответственным отношением к жизни. Некоторые из тех, кто получает щедрое вознаграждение за свое искусство (независимо от его качества), могут позволить себе такие заявления, как «не надо принимать жизнь всерьез», «жизнь — комедия», «жизнь — игра», «живи каждый день так, как будто это твой последний день в жизни» (имея в виду, что надо наслаждаться жизнью сейчас и брать от нее все, что можно). Разумеется, они говорят это только тогда, когда не затрагиваются их собственные интересы, престиж и доходы. Один из героев книги Олдоса Хаксли «Спустя много лет» (с. 185) размышляет о том, что мы слишком серьезно относимся к тому, что не заслуживает серьезного отношения; именно эта «неуместная серьезность» является источником многих пагубных ошибок. В этом мире «...нет ничего более серьезного, чем страдания, которые люди причиняют себе своими преступлениями и глупостями». В частности, один из огромных недостатков так называемой «хорошей литературы» заключается в том, что она относится к таким общепринятым ценностям, как власть, положение в обществе и материальный, успех всерьез. Отсюда совершенно идиотские поступки литературных героев, ведущие в конечном итоге к человеческим страданиям; причем поступки эти облекаются в благородную, привлекательную форму. Загипнотизированный красотой трагического финала «...читатель или зритель остается с убеждением, что, несмотря на трагедии и катастрофы, все в нашем мире прекрасно, благородно и человечно».

Мы должны сознавать, что искусство не только форма самовыражения художника, но и орудие манипулирования публикой. Искусство даже может представлять опасность, потому что невежественные люди принимают его за чистую монету, словно оно и есть реальность. Они воспринимают любое искусство как хорошее, независимо от результатов его воздействия. Это именно то, что и надо индустрии развлечений. Олдос Хаксли, литературные произведения которого снискали ему всемирное признание, не мог не отметить чрезмерно завышенного авторитета людей искусства, о которых он писал в своей книге «Лукавый Пилат» (с. 234, 235):

«Литератор, как мне кажется, окружен непропорционально большой аурой значимости и важности... Искусство и ху-

